

В поисках утраченной современности

ДЖЕЙМИСОН Ф. (2019). ПОСТМОДЕРНИЗМ, ИЛИ КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА / ПЕР. С АНГЛ. Д. КРАЛЕЧКИНА; ПОД НАУЧ. РЕД. А. ОЛЕЙНИКОВА. М.: ИЗД-ВО ИН-ТА ГАЙДАРА. 808 С. ISBN 978-5-93255-542-2

Николай Афанасов

Младший научный сотрудник, Институт философии РАН
Адрес: ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 109240
E-mail: n.afanasov@gmail.com

Под знаменем постмодернизма прошли последние несколько десятилетий философской истории, когда ведущие интеллектуалы и деятели искусства сталкивались с необходимостью сформулировать свою позицию в отношении его идейного содержания. Отечественная философия не оставалась в стороне и в 1990-е годы пережила особое увлечение постмодернистской критикой культуры и тем, что считала «постмодернизмом» в философии. Интерес к явлению мысли, впрочем, не остался в прошлом, а продолжает задавать интеллектуальную моду во многих областях социально-гуманитарного знания. Но был ли понят постмодернизм?

Обращаясь к наиболее важным публикациям отечественных учёных, упоминающим постмодернизм, осмелимся утверждать, что статус постмодернизма как продуктивной социально-философской программы интерпретации реальности позднего капитализма фактически не был осознан российским философским сообществом. Но сам термин прижился и прочно вошёл в наш активный философский словарь. Во многом как способ описания не только повсеместного культурного упадка на пространствах бывшего социалистического лагеря, но и в целом как способ критического осмысления вектора развития, принятого Западом. Как артикуляции тупика, в котором, по мнению некоторых философов, оказалась философия и культура¹. Слово приобрело главным образом негативные коннотации.

Резюмируя положение дел, не было бы преувеличением заявить, что термин «постмодернизм» имеет не вполне конкретный и реально существующий референт, но вместо этого отсылает к сложившемуся в сообществе конвенциональному представлению об означаемом. Право на интерпретацию в философии не может быть поставлено под сомнение, но в данном случае речь идёт не только об интерпретации, но даже и о подмене понятий, осознанность которой необходимо проанализировать. В самом ли деле постмодернизм обвиняют в том, в чём его обвиняют? И в самом ли деле обвиняют постмодернизм, а не нечто другое? В частности, можно было бы изучать примеры стилистической иронии на тему интеллектуаль-

© Афанасов Н. Б., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-256-265

1. Гобозов И. А. (2015). Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. Т. 9. № 12.

ной моды на постмодернизм: «В расхожем мнении постмодерн — течение новейшее... Его востребованность растёт, не скрывая усталости возраста... Постмодерн сам становится *знаком знака*, отражением себя, пустой модой (например, когда его фичи втыкают „для красоты“, без иронии стиля)»².

Важнейшей характеристикой знакомства с постмодернизмом в русскоязычном пространстве стало определённое преломление исследовательской перспективы, связанное с рецепцией постмодернизма в работах таких французских авторов, как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Фуко, чья философия стала и до сих пор остаётся синонимом «классики»³ постмодернистской теории. Философ Александр Павлов в предисловии «Странная жизнь постмодернизма» к книге Фредрика Джеймисона обращает внимание на то, что эта историко-философская парадигма должна быть поставлена под сомнение: «...формируется взгляд, будто постмодернизм — это прежде всего французские философы... Установка на такое понимание постмодерна некритически воспроизводится в отечественной научной литературе» (с. 14–15). Нельзя сказать, что подобное общепринятое историко-философское представление не имеет отношения к реальному феномену постмодернизма, но констатируем, что полноценное представление о нём она сформировать не способна. При этом инерция подобного понимания поражает. К примеру, в серии научно-популярных книг «ЛекцииPRO» недавно вышли «Лекции по философии постмодерна» антрополога и экономиста Дмитрия Хаустова, которые обещают ввести «читателя в интересный и запутанный мир философии постмодерна, где обитают такие яркие оригинальные фигуры, как Жан Бодрийяр, Жак Деррида, Жиль Делёз и другие»⁴.

Думая об искушённом читателе, который собирается прочитать книгу Фредрика Джеймисона, осмелимся утверждать, что чтение этого труда будет необычайно полезно. В первую очередь речь идёт об историко-философском прояснении понятия «постмодернизм». Это необходимо в двух отношениях. Во-первых, научная честность философского сообщества предполагает рефлексивное отношение к употреблению понятий, для чего следует ознакомиться с их содержанием. Но генезис постмодернизма также важен для включения в научный оборот современных социальных теорий, относящих себя к «постпостмодернизмам» и многое в явном или неявном виде заимствующих у Джеймисона⁵. А во-вторых, сказанное

2. Рубцов А. В. (2011). Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. № 10. С. 37.

3. Махаматов Т. М. (2011). Критика постмодернизма: вперед к классической философии // Гуманитарные науки. № 3. С. 109.

4. Хаустов Д. С. (2018). Лекции по философии постмодерна М.: РИПОЛ классик. С. 1.

5. В последние два десятилетия социально-философский поиск привёл к появлению концепций диджимодернизма, автомодернизма, космодернизма, метамодернизма, гипермодернизма и ряда других, во многом отгалкивающих от философии именно Джеймисона и в гораздо меньшей степени опирающихся на континентальную традицию. См.: Kirby A. (2009). *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. London: Continuum; Moraru C. (2015). *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor: University of Michigan Press; Van den Akker R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds.). (2017). *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Lanham: Rowman & Littlefield.

философом не является устаревшим, а в самом деле удачно схватывает явления актуальной современности.

Полемическая сложность контекста первого на русском языке издания фундаментального труда американского философа-марксиста Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» очевидна. Работа фактически представляет собой развитие идей одноимённого эссе, изданного в 1984 году⁶ и с изменениями вошедшего в книгу в качестве первой главы. Сама книга, как целое, появилась в 1991 году⁷, предлагая читателю расширенное применение идей Джеймисона о культурной логике позднего капитализма в отношении эмпирического материала архитектуры, изобразительного искусства, кинематографа, литературы, а также обозначая ключевые черты современности для человека.

Дистанция в два десятилетия, которая не является исторически значимой, но представляется вполне ощутимой на карте философской литературы в XX и XXI веках, позволяет картографировать, если использовать терминологию самого Джеймисона, перевод книги любопытным образом. Для этого в самом общем ключе определим контекст русскоязычных переводных изданий. С одной стороны, переводы актуальных и волнующих русскоязычное сообщество трудов выходят с достаточной степенью оперативности. В этом отношении отставание от «философской моды», если оно и происходит по тем или иным причинам, не составляет и десяти лет. С другой стороны, значительная часть переведённой литературы — это «утраченная классика», то есть труды, оказавшие колоссальное влияние в своей исследовательской сфере, но по каким-либо причинам не переведённые в то время, когда вокруг них шла наиболее оживлённая дискуссия⁸.

С нашей точки зрения, применение этого формального критерия к рассматриваемому переводу Джеймисона помещает его в первую очередь в категорию «философской классики», поскольку, как это ни парадоксально, сам постмодернизм, как методологическая стратегия, и понятие «постмодерн», как язык описания эпохи, следующей за модерном, утрачивают конвенциональную исследовательскую релевантность в социально-философских парадигмах при анализе мира, существующего вокруг нас сегодня⁹. Утрачивает значение термин в связи с настоящим, сменяясь постпостмодернизмом. Отношение между ними можно было сравнить

6. Jameson F. (1984). Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. № 1.

7. Jameson F. (1991). Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durhanm: Duke University Press.

8. Хорошим примером, иллюстрирующим этот пласт переводной литературы, является выход в 2018 году перевода классической работы Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни», снабжённого фундаментальным предисловием Дмитрия Куракина, которая впервые была издана в 1912 году. См.: Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. В. В. Земсковой под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы. В том же году вышел и другой перевод: Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. А. Аполлонова, Т. Котельниковой. М.: Дело.

9. См.: Павлов А. В. (2018). Социальная теория: постмодернистский поворот — модернистский разворот // Общественные науки и современность. № 5. С. 158–170.

с соотношением постмодернизма и модернизма. Ведь постмодернизм не отрицал модерн и социальные теории его описывающие, а во многом на них опирался. Но, что важнее, именно завершение процессов, которые послужили социально-экономическим базисом для построения проекта постмодернизма, позволяют нам ретроспективно, с позиции произошедших и ставших явными изменений, увидеть, что же представляла собой эта эпоха, потребовавшая новой, отличной от модернистской, оптики рассмотрения. А также в дальнейшем ясно сформулировать ответ на вопрос, в чём состоял философский проект постмодернизма и почему он, по мнению многих современных философов, завершился: «С постмодернизмом вопрос остаётся открытым. Он даже не просто изменился, а то ли умер, то ли закончился, то ли „растворился в воздухе“ (ведь мы знаем, что „всё прочное растворяется в воздухе“, как это заметили ещё Маркс и Энгельс и не раз повторяли их последователи), то ли мутировал, то ли превратился в призрак» (с. 7).

«Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» 2019 года на русском языке может изменить (но необязательно изменит) понимание постмодернизма в отечественной философии, для которой он продолжает выступать в некотором роде точкой отсчёта, пусть и с негативными коннотациями, в системе социально-философских и культурных координат. Сам факт появления этого классического для западной мысли труда на русском может спровоцировать историко-философскую дискуссию вокруг понятия, истории его употребления и понимания. Впрочем, утверждать, что это первое появление американского извода постмодернизма на отечественном рынке интеллектуальной литературы было бы несправедливо, поскольку в 2011 году вышла замечательная работа историка-марксиста Перри Андерсона «Истоки постмодерна»¹⁰, где, в частности, особенно подробно рассматриваются идеи Джеймисона. Однако все предыдущие попытки, включая книгу Андерсона, не были замечены философским сообществом, чьё сформировавшееся представление о постмодернизме оставалось герметичным. Мы не берёмся утверждать, что книгу Джеймисона не постигнет такая же участь, но большой к ней интерес, а также развитие самой читающей публики внушают осторожный оптимизм.

Жизнеспособность концепции постмодернизма и его описательная сила были поставлены под сомнение современными социальными теориями, даже если их авторы изначально и придерживались постмодернистских установок, как это было с Зигмунтом Бауманом¹¹. Но именно американские идеи, сосредоточившиеся на применении марксистской методологии анализа позднего капитализма, в гораздо большей степени повлияли на современные социально-философские концепции, нежели это удалось европейским авторам. Задача понимания современности остаётся и стоит перед мыслящим субъектом в качестве столь же острого вопроса,

10. См.: Андерсон П. (2011). Истоки постмодерна / Пер. с англ. А. Апполонова под ред. М. Маяцкого. М.: Территория будущего.

11. Бауман З. (1994). Спор о постмодернизме / Пер. с польск. А. Д. Ковалева // Социологический журнал. № 4. С. 69–80.

как и само существование субъекта в постмодернизме (с. 275–276). Чтобы не оставаться с современностью ли, постсовременностью ли, а возможно, и с постпостсовременностью один на один, не потеряться в этих понятиях, должно быть сформировано чёткое, немифологизированное понимание того, откуда произошла эта концепция и что ее автор хотел сказать о мире.

Ясность, которой так часто не хватает в дискуссиях о постмодернизме, должна отталкиваться от модернистского, благо это предполагалось самим Джеймисоном, понимания философского высказывания: «Надёжнее всего схватить понятие постмодерна как попытку исторически помыслить настоящее — в эпоху, которая первым делом забыла о том, что значит мыслить исторически» (с. 57). Начать, с нашей точки зрения, необходимо не с того, что чаще всего ассоциируется с проявлениями постмодернизма (с искусства), но с того, что наиболее значимо и актуально для постмодерна, что отличает ситуацию начала XX века от ситуации после Второй мировой войны. Речь идёт о трансформациях капитализма, обычно понимаемого как воплощение феноменов и достижений модерна. Но в результате «разрыва», произошедшего на рубеже 1950-х и 1960-х годов (с. 83), капитализм претерпел такие количественные трансформации, которые позволяют говорить об изменении самой его сущности.

Как отмечает Джеймисон, тот необычайный расцвет культурного производства и культурной индустрии во всех отношениях, как и само появление феномена массового культурного производства, являются лишь производными от изменения экономической модели и совершенствования самих средств производства (с. 90). Принципиально важно, что несмотря на прекрасное его владение материалом в сфере культуры и несомненный интерес именно к высокой культуре — Джеймисон начинал свой творческий путь как литературовед — философ неоднократно подчёркивает актуальность марксистского по своей сути метода в применении и к массовой культуре, которую он делает предметом своего анализа. Метода, признающего примат реальности за экономическим положением дел, которое в дальнейшем определяет культурное мироощущение эпохи. В сущности, соотношение и взаимовлияние между культурой и экономикой является одним из центральных вопросов и для постмодернистской теории, но отправной пункт философского исследования в ситуации постмодерна выстраивается от констатации изменений в экономике. Причины этого очевидны: экономика как минимум является более удобным предметом для анализа, и на её материале легче проследить качественные изменения модернистского проекта капитализма¹².

Сводить новаторство подхода Джеймисона к анализу позднего капитализма и его влиянию на культуру было бы несправедливо по отношению к другим социальным теоретикам второй половины XX века. В частности, критическая теория неомарксизма Франкфуртской школы гораздо раньше Джеймисона заявила о трансформации идеологии из-за развития индустриальных способов произ-

12. Lash S. (1990). *Sociology of Postmodernism*. London: Routledge. P. 124.

водства, а также ввела в обиход понятие позднего капитализма, которым активно пользуется Джеймисон¹³. Однако желающего обнаружить, что же качественно новое случилось с капитализмом помимо увеличения его производительных сил, а также повышением степени отчуждённости человека от себя самого, ждёт разочарование: критический потенциал Франкфуртской школы был направлен, с одной стороны, на политическую критику устройства развитых капиталистических демократий Запада, а во-вторых, на описание деструктивного влияния идеологии на человека.

Основная новаторская идея Джеймисона в отношении капитализма — это прочная увязка культурного производства и экономической логики. Логика эта заключается в том, что культура теряет автономию и больше не может не подчиняться законам спроса, не может быть отделена от рынка. В качестве экстремального примера расширившегося влияния логики капитализма философ демонстрирует, что она проникает в том числе и туда, где должен был бы господствовать психоанализ и первичный опыт внешнего мира: «...поразительное новое расширение мультинационального капитала заканчивается колонизацией и проникновением в те самые докапиталистические анклавы (Природы и Бессознательного)» (с. 162). Поздний капитализм не характеризуется влиянием на человека через индустриальные способы производства, где роль человека сводится к выполнению монотонных повторяющихся операций. Важнее, что в мире вне работы, в мире культуры, человек находится во власти капиталистического товарного производства.

Но и само производство ставится под вопрос. Возможно, оно принадлежит прошлому и не определяет ситуацию постмодерна, для которой ключевой категорией является воспроизводство. Сравнивая производственную культуру индустриальной эпохи с современной, Джеймисон пишет: «...машины на самом деле являются машинами воспроизводства, а не производства, и к нашей способности эстетической репрезентации они предъявляют требования, совершенно отличные от тех, что предъявлялись довольно-таки миметической идолатрией старой машинерии» (с. 142). Так, хорошо знакомая каждому современному человеку операция на компьютере «копировать» — «вставить» прекрасно иллюстрирует это новое изменение. И в сущности, тот колоссальный объём производства цифровой индустрии работает именно в логике воспроизводства, в которую сейчас включён и каждый пользователь компьютера. Джеймисон одним из первых указывает на эту трансформацию, которая достигнет своего апогея именно в наши дни повсеместной компьютеризации.

При этом сам Джеймисон, будучи марксистом, критикует левую теорию за излишне оптимистичные убеждения: «Ни одна теория культурной политики, разделяемая сегодня левыми, не могла обойтись без того или иного представления о минимальной эстетической дистанции, о возможности позиционирования культурного акта вне сплошного Бытия капитала, причём только с опорой на такой акт

13. Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997). Диалектика Просвещения: философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента.

можно начать атаку на это бытие... Эта дистанция в целом (включая и „критическую дистанцию“ в частности) как раз и была уничтожена в новом пространстве постмодернизма» (с. 162). Радикализм его подхода в отношении к капитализму в том, что высказывание вне логики капитала принципиально невозможно. Капитализм качественно изменился, обратив в товар и докапиталистическое, и внекапиталистическое, тем самым нивелировав пространство критической дистанции. Джеймисон предлагает помыслить капитализм радикально, не примешивая к нему идеологию или политику, ведь именно чистый капитализм характеризует современность (с. 87). Сам философ иронично замечает, что и его труд встроен в эту логику, и поэтому ни о каком действительно критическом потенциале говорить нельзя (с. 92).

Другим важным и актуальным для современной социальной теории аспектом философских идей Джеймисона является смещение внимания с темпорального измерения жизни, как индивидуального субъекта, так и исторических общностей разного масштаба, на пространственное: «Кризис историчности заставляет сегодня заново вернуться к вопросу о темпоральной организации как таковой в постмодернистском силовом поле и, по сути, к проблеме формы, которую время, темпоральность и синтагматика смогут принять в культуре, все больше управляемой пространством и пространственной логикой» (с. 125). Это важнейшее наблюдение, сделанное философом главным образом на материале авангардистского и прогрессивного искусства 1960-х и 1970-х годов, интересным образом преломляется после повсеместной диджитализации жизненного мира в развитых обществах. Темпоральность жизни, находящаяся на пространственных поверхностях экранов, конструируется субъектом согласно условиям функционирования новых структур, механизмы которых являются предметом исследования новых социальных теорий¹⁴.

Мысль Джеймисона о шизофреническом характере вечного пребывания в настоящем также одна из центральных тем книги, не утрачивающих своей объяснительной силы. Возможно, распространение новых медиа лишь даёт нам больше эмпирического материала для её подтверждения. «Шизофрения» понимается Джеймисоном не как медицинское заболевание, но в смысле трансформации переживания темпоральности субъектом (с. 126–127). Эта трансформация характеризуется утратой способности к подлинному переживанию и эстетизацией того, что является его субститутом. При этом недостаток переживания замещается увеличивающимся желанием его получить и интенсификацией эстетизации получаемого. Мир постмодернистского субъекта распадается на сменяющие друг друга яркие вспышки переживаний, опосредованных массовой культурой и воспроизводством эстетического, а жизнь вместо длительного, рационального, самостоятельно спланированного проекта становится чередой потребляемых впечатлений, не конструирующих её как целое.

14. Kirby A. (2009). *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. London: Continuum. P. 273–277.

Если постмодернизм часто подвергается критике в современной социальной философии, носящей в том числе и оценочный характер и наследующей критический потенциал философских теорий¹⁵, то в некоторых областях методологические установки постмодернизма становятся авторитетным ядром исследовательских программ. Постмодернизм предлагает рассматривать объекты культуры в связи с их товарным статусом, а не исходя из их культурной ценности, предупреждает от включения оценочных суждений, претендующих на универсальный статус по отношению к эстетическому. Важнейшей методологической установкой также является упразднение разделения культуры на высокую и низкую (с. 188). В первую очередь такое положение дел можно наблюдать в современной эстетике, а также при работе гуманитарного знания с продуктами массовой культуры. Глобальность применимости постмодернизма по отношению ко многим культурам и обществам, лишь недавно вступившим на путь вестернизации, возрастает, что могло бы удивить самого Джеймсона в 1980-е годы, поскольку он главным образом разрабатывал свою теорию на эмпирическом материале США, в которых экономический рост и формирование общества потребления после Второй мировой войны были наиболее очевидными. Показательным примером подобного использования постмодернистской методологии при работе с продуктами культуры будет, в частности, анализ японской поп-культуры¹⁶.

Однако одним из главных медиа той современности, которая берет начало в 1950-е годы, является кинематограф, о чём пишет и сам Джеймсон. Являясь выражением духа постмодернизма в искусстве, с трансформацией линейности времени, интенсификацией насыщенности опыта, гиперреальностью образов, кино вместе с переизобретённой фотографией (с. 366) занимает важнейшее положение в современной массовой культуре, форматируя мир смыслов современного человека. И последние тенденции в сфере производства голливудского кинематографа заставляют вспомнить о тех ключевых характеристиках, присущих культуре постмодерна, на которые указал Джеймсон: пастиш, как логика воспроизводства, и упоминаемая выше шизофрения (с. 107, 123).

У читателя этой огромной и сложной книги, берущегося за столь непростую задачу, есть и посильная помощь, часть которой заключается в несомненном литературном таланте Фредрика Джеймсона, чей блестящий стиль был сохранён в переводе Дмитрия Кралечкина. Помимо стилизации и понимания облегчает использование Джеймсоном огромного количества примеров из культуры для иллюстрации своих идей. Многие из этих примеров имеют настолько важный культурный статус и такую широкую известность, что следить за ходом мысли философа будет просто, не прибегая к внешним источникам. Менее визуально знаменитые, но имеющие ключевое значение для понимания мысли, изображения

15. См.: Федотова В. Г. (2018). Социальное в социологии и в социальной философии сегодня // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 22–38.

16. Шуმიлова А. Ю. (2018). Эпоха мюз и постмодернизма в японской поп-культуре // Магера Ю. А. (ред.). Манга в Японии и России. Вып. 2. Екатеринбург: Фабрика комиксов. С. 26–35.

можно найти в приложении в конце книги, где представлен ряд фотографий и рисунков, в том числе дома Фрэнка Гэрри и схема кадра из «Ностальгии» Андрея Тарковского. Отсутствие репродукций творчества Энди Уорхола, к которому часто обращался Джеймисон, компенсируется дизайном книги, чья чёрная суперобложка обыгрывает работу Уорхола «Feet with Campbell's Soup Can» 1960 года и скрывает основную белую обложку, где изображены уже восемь банок: пытаюсь увидеть культурную логику капитализма, мы увидим лишь больше капитализма.

Помимо этого, книга снабжена обстоятельным концептуальным предисловием Александра Павлова (с. 7–53), о котором необходимо сказать несколько слов. Предисловие не испортит удовольствия от чтения работы, а лишь увеличит его, поскольку помещает книгу Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» в широкое дискурсивное поле социально-философской мысли последних четырёх десятилетий, говоря о рецепции идей Джеймисона в современной левой мысли (с. 37–39). Автор повествует и о самом пути Джеймисона в осмыслении постмодернизма, от понятия которого философ впоследствии отошёл, но не отказался: «Хотя Джеймисон устал от термина „постмодернизм“ и заявил, что в итоге он может означать всего лишь одно название глобализации, он вернулся к теме, чтобы сделать важное заявление» (с. 51). Заявление о том, что конец постмодернизма — это про стиль, а не про эпоху, которая если и завершилась, то в своём историческом бессознательном несла культурную логику позднего капитализма, о которой и написана книга.

Постмодернизм был попыткой объяснения глобализирующегося мира, попыткой, отталкивающейся от экономики, но говорящей о мире человека, мире культуры, которая создаётся в тесном взаимодействии с экономикой. Интеллектуальное влияние этого тезиса продолжает сказываться на исследованиях современности. Джеймисон использует предложенную марксистом-экономистом Эрнестом Манделем модель, выделяющую три скачка в развитии капитализма, повлекших за собой трансформации в культуре: внедрение паровых машин, электрификация и ядерная энергетика (с. 140–142)¹⁷. Следует признать, что мы, хотя и продолжаем жить в атомную эпоху, не можем считать атомную энергию её сущностной чертой. Скорее следующим технологическим скачком будет компьютеризация и диджитализация, которые меняют современный капитализм и становятся драйвером для появления новых социально-философских подходов¹⁸. Но это не свидетельствует о фундаментальной неправоте подхода Джеймисона, а скорее работает как аргумент в его пользу.

Принимая справедливость размышлений Джеймисона о статусе интеллектуальных теорий, идеологий, философских концепций, включённых в индустрию культурного производства, затрагивающую и интеллектуалов, ставших в рамках

17. Заметим, что помимо истории технологического развития капитализма Джеймисон использует и термин «поздний капитализм», ставший популярным благодаря английскому переводу книги Мандела: *Mandel E. (1978). Late Capitalism. London: Verso.*

18. См.: *Срничек Н. (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ. М. Добряковой. М.: НИУ ВШЭ.*

умственного разделения труда также производителями капитализируемого продукта для массового общества, рискнём сделать одно предположение. Постмодернизм не выступает синонимом отрицания и упразднения достижений и проектов модернизма и даже традиционализма, напротив, они, со всеми всеми присущими им феноменами, в некотором роде могут продолжать существовать в его рамках, являясь частностью более общей системы и описательной модели¹⁹. «От выражения „постмодернистский“, — пишет Джеймисон, — я порой уставал не меньше любого другого, но, когда мне кажется, что стоило бы пожалеть о том, что я приложил к нему руку... я всё-таки останавливаюсь и задаюсь вопросом о том, может ли какое-то другое понятие отразить эти проблемы столь же эффективно и одновременно экономно» (с. 796).

Непонятность, парадоксальность, обилие интерпретаций, затеняющих смысл явления, не есть непреодолимые препятствия для философского разума. В таком случае поиск утраченной современности — это не всегда поиск современности, которой уже нет, но современности, которая стала «пост-». И книга «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» Фредрика Джеймисона на русском языке, будучи фундаментальной теоретической работой, имеющей несомненную историко-философскую ценность хотя бы как историческое описание интеллектуальной рецепции постмодернизма, вкупе с методологическим потенциалом для понимания современности, может и должна помочь в этом нелёгком деле читателю. В случае, конечно же, если его не будет ожидать участь революционных, провокативных, опасных идей, которые «теперь превращаются во множество материальных означающих, по которым взгляд скользит, не задерживаясь на них» (с. 330). По меньшей мере, чтение этой книги — повод задержать свой взгляд, попутно вооружив его навыками «скольжения», столь необходимыми при работе с современностью, по не стоящим внимания материальным означающим, тем самым очерчивая сферу действительно важного.

In Search of Lost Modernity

Nikolai Afanasov

Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Address: Goncharnaya str., 12/1, Moscow, Russian Federation 109240

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Book Review: Fredric Jameson, *Postmodernizm ili kulturnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism] (Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019).

19. См.: Павлов А. В. (2018). Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. Т. 28. № 6. С. 1–19; Van den Akker, Gibbons, Vermeulen. Metamodernism.